



Король.

I.



тоялъ декабрь. Смеркалось. Съ хмураго пасмурнаго неба на столицу падалъ снѣжокъ. Невскій по обыкновенію полонъ былъ оживленія.

Къ одному изъ модныхъ лучшихъ магазиновъ лихо подкатили запряженные парю санки. Выпорхнула стройная подвижная барышня. Съ изящною ловкостью пробралась чрезъ толпу и, отряхивая на ходу приставшія къ платью снѣжинки, вбѣжала въ дверь.

Отвѣтивъ кивкомъ на почтительные поклоны хозяина, покупательница потребовала какія-то кружева. И проворныя нервныя руки забѣгали по сверткамъ, нетерпѣливо отыскивая нужный рисунокъ.

Въ сторонѣ шелъ разговоръ.

До слуха донеслись странныя фразы.

— Сдебель масу хлить.

— Мадъ ломишникъ шень.

Непонятный языкъ и довольно смѣшное произношеніе заставили барышню обернуться.

Разговаривавшихъ было двое. Одинъ не представлялъ изъ себя ничего интереснаго,—обычный типъ провинціала-торговца средней руки. Но другой былъ довольно оригиналенъ. Высокій, дородный, лѣтъ 55—60, съ открытымъ выразительнымъ лицомъ и особенно выразительнымъ умнымъ и нѣсколько надменнымъ взглядомъ изъ-подъ нависшихъ сѣдыхъ бровей, съ характернымъ орлинымъ носомъ,—онъ могъ производить впечатлѣніе. Несовсѣмъ обычный костюмъ,

что-то среднее между пальто и поддёвкой, обшитое мѣхомъ и украшенное шнуромъ на подобіе венгерки, и необъятныхъ размѣровъ мѣховой картузь съ наушниками усиливали впечатлѣніе.

Окинувъ разговаривавшихъ удивленнымъ взглядомъ, барышня вполголоса спросила склонившагося къ ней приказчика:

— Кто это?

— Не знаю,—ваше сіятельство. Впервые у насъ. Закупаютъ на крупную сумму.

— А на какомъ это языкѣ они говорятъ?

— Богъ ихъ знаетъ,—улыбнулся приказчикъ.

Ея сіятельство была изъ любопытныхъ. Отвѣтомъ не удовлетворилась. И съ присущей ей живостью обратилась прямо къ заинтересовавшимъ ее лицамъ:

— Позвольте спросить,—на какомъ это языкѣ вы говорите?

Солидный господинъ недовольно посмотрѣлъ и промолчалъ. Спутникъ оказался любезнѣе.

— Это особый нашъ языкъ, сударыня, свой языкъ,—отвѣтилъ онъ.

— Какой? Откуда вы?

— Бѣжецкій. Король,—показывалъ онъ глазами на солиднаго господина,—а я состою при ихъ особѣ.

Состоявшій при королѣ добрякъ еще что-то хотѣлъ повидимому добавить, но суровый принципаль не далъ. Предпочелъ самъ договорить:

— Много будете знать, сударыня, скоро состаритесь. Въ нашихъ краяхъ, сударыня, молодымъ дѣвицамъ почитается непристойнымъ относиться къ незнакомымъ мужчинамъ.

Ея сіятельство вспыхнула. Взяла съ прилавка отобранное и красиво упакованное кружево. Расплатилась и, небрежно отвѣтивъ на низкій поклонъ продавца, торопливо вышла.

Король проводилъ ее ироническимъ взглядомъ.

— Ну и барыни же у васъ,—пояснилъ онъ свой недобрый взоръ смущенному и видимо раздосадованному хозяину. У насъ, слава Богу, такихъ бойкихъ еще не повелось.

— Да у васъ, сударь, такихъ и не можетъ быть. Это—фрейлина Двора Ея Величества Государыни Императрицы, княжна С—бая. При такомъ высокомъ положеніи имъ съ вашими барынями не ровняться. Да и вамъ, сударь, слѣдъ бы отнестись къ нимъ попочтительнѣе. Черезъ васъ и намъ неприятность можетъ выйти.

На лицѣ короля отразилось какъ-будто какое-то раскаяніе и даже тревога. Но это былъ одинъ мигъ.—Оно снова приняло обычное свое нѣсколько надменное выраженіе. И разговоръ этотъ сталъ исключительно дѣловымъ.

Княжну С. лихіе кони между тѣмъ мчали къ Зимнему Императорскому Дворцу.

II.

— Странная встрѣча, Ваше Величество,—скромно проговорила княжна С., раскладывая предъ Государыней привезенныя кружева.

— Что такое, дитя мое?—ласково спросила Императрица.

— Въ магазинѣ, гдѣ я брала кружево, оказался король... король... Це... Де... Не могу вспомнить,—какой. Мнѣ назвали его. Забыла. Но я вспомню, Ваше Величество. Представительный. Суровый. Одѣтъ не по-русски. Говорить на какомъ-то совершенно непонятномъ, незнакомомъ языкѣ.

— Почему же ты думаешь, что это непременно король?

— Съ нимъ былъ кто-то изъ его свиты. И онъ сказалъ мнѣ, что это—король.

— Можетъ быть, ты и съ самимъ этимъ твоимъ королемъ, даже успѣла поговорить?

— Да, Государыня. Я обратилась къ нему съ вопросомъ. Но онъ очень суровъ. И очень важно замѣтилъ мнѣ, что въ ихъ государствѣ непринято, чтобы дамы заговаривали съ незнакомыми мужчинами, и что я скоро состарѣюсь.

— Какъ? Почему состарѣешься?

— Онъ сказалъ, Ваше Величество,—кто много знаетъ, быстро старѣеть.

— Твой король, моя милая, лучше тебя знаетъ русскія пословицы. Но надѣюсь, онъ тебѣ еще ничего неприятнаго не наговорилъ?! При живости твоего характера это возможно. Расскажи же толкомъ!

Княжна повела свой рассказъ въ нѣсколько юмористическомъ тонѣ. Картинно изобразила короля, пустивъ при этомъ въ ходъ съ присутимъ ей умѣнемъ копирующія его позы, мимику, жесты. Описала живописно его костюмъ, принявшій въ ея рассказѣ совсѣмъ уже какой-то фантастическій видъ. Попробовала даже передать тѣ фразы, которыми обмѣнялся въ магазинѣ король со своимъ придворнымъ. Но это вышло такъ неудачно, что княжна разсмѣялась и поспѣшила закончить свой рассказъ комизмомъ положенія, въ какое поставилъ ее король суровымъ своимъ замѣчаніемъ.

Императрица, не перестававшая улыбаться во все продолженіе рассказа, разсмѣялась.

У Государыни въ это время сидѣли два видныхъ сановника и нѣсколько дамъ. Смѣялись и они.

Принявъ смѣхъ за выраженіе недовѣрія, княжна сдѣлала оби-

женный видъ и принялась горячо, со слезами на глазахъ, утверждать, что она видѣла дѣйствительно короля, въ королевскомъ одѣяннѣ, съ иноземнымъ языкомъ, и что названіе королевства вернется у нея на языкѣ, и она потомъ его припомнить.

Искренній тонъ и та горячность, съ которою фрейлина Императрицы защищалась, не могли не подѣйствовать. Странная встрѣча княжны стала предметомъ обсужденій. Начались догадки относительно самой личности короля. Высказывались предположенія, что это—горецъ, князь какого-либо изъ племенъ Кавказа, названный приближеннымъ его королемъ для большей важности, что это—представитель какого-нибудь азіатскаго племени, что это—одинъ изъ владѣтельныхъ особъ мелкихъ германскихъ княжествъ и т. д. Однимъ изъ сановниковъ высказано было и такое предположеніе, что это—просто помѣшанный человѣкъ, страдающій маніей величія больной. Къ послѣднему предположенію отнеслись впрочемъ скептически. Противъ него была очевидность:—свидѣтельство княжны о корректности поступковъ короля и титулованіе его не личное, а со стороны его спутника.

Въ разгаръ этого оживленнаго общаго разговора вошелъ Императоръ Николай Павловичъ. Государь только что вернулся изъ кадетскаго корпуса. Корпусомъ остался доволенъ. И былъ въ хорошемъ настроеніи.

Императрица рассказала ему о встрѣчѣ княжны, передавъ при этомъ и высказанныя предположенія о личности таинственнаго короля. Николай Павловичъ благодушно выслушалъ. Посмѣялся надъ догадками. Задалъ нѣсколько шуточныхъ вопросовъ княжнѣ. И повершилъ:

— Безъ всякаго сомнѣнія, окажется какой-нибудь пустякъ! Но разъ дамы спорять,—нужно для ихъ спокойствія разузнать о сказочномъ королѣ что-нибудь поточнѣе.

Приказано было навести справки и доставить короля во дворецъ,—въ случаѣ его добропорядочности.

III.

Придворный камеръ-лакей бросился по указанію надѣлавшей шуму фрейлины въ модный магазинъ на Невскомъ.

Тамъ, конечно, сразу поняли, о комъ нужна справка. И дали оставленный королемъ для отсылки заказа адресъ. Оказались какія-то малозвѣстныя скромныя меблированныя комнаты для пріѣзжающихъ.

Появленіе камеръ-лакея произвело въ послѣднихъ переполохъ.

Бѣжецкаго короля съ его первымъ министромъ посланецъ изъ Императорскаго дворца нашель въ обстановкѣ совсѣмъ не королевской. Оба сидѣли безъ кафтановъ, въ простыхъ русскихъ рубашкахъ. Комната была мрачная, -неуютная. На столѣ, покрытомъ сомнительной чистоты скатертью, кипѣлъ самоваръ, стояла только что раскупоренная и непочатая бутылка коньяку, лежали икра въ бумажкѣ, большой кусокъ колбасы и нѣсколько свѣжихъ кондитерскихъ булокъ. Утомленные странствованіями по столицѣ петербургскіе гости предвкушали сладость заслуженнаго отдыха и подкрѣпленія.

— Его Императорское Величество Государь Императоръ соизволилъ приказать доставить господина короля во дворецъ,—величественно произнесъ камеръ-лакей, входя въ комнату и окидывая ее вмѣстѣ съ важными ея обитателями бѣглымъ испытующимъ взглядомъ.

Король поблѣднѣлъ. Вытеръ чайнымъ полотенцемъ вспотѣвшее лицо. Надѣлъ длиннополый сюртукъ и поверхъ его смутившее княжну верхнее платье. Взялъ свой необъятныхъ размѣровъ мѣховой картузь и, помолившись на икону, послушно вышелъ вслѣдъ за ожидавшимъ его придворнымъ лакеемъ, бросивъ на ходу оставшемуся въ комнатѣ, напуганному товарищу:

— Раздѣлка за княжну!

Король рѣшилъ и не сомнѣвался, что его вызываютъ именно по жалобѣ княжны. Мысль о причиненномъ ей оскорбленіи и грядущей грозѣ не давала покоя, мучительно сверлила мозгъ и болѣзненно сжимала трепетавшее сердце. Сидѣвшій рядомъ въ саняхъ лакей молчалъ.

Блѣдный ласкающій свѣтъ и роскошь дворцовой передней вывели короля изъ охватившаго его оцѣпенѣнія. Онъ искалъ,—гдѣ бы положить свой картузь, и готовился снять верхнее платье. Ему замѣтили:

— Не трудитесь беспокоиться. Приказано ввести,—въ чемъ пожаловали.

Въ сосѣдней комнатѣ, гдѣ предложили обождать, ждать пришлось недолго. За портьерой раздались твердые шаги. Вышелъ Государь, окидывая на ходу короля своимъ орлинымъ царственнымъ взглядомъ.

Король поспѣшилъ опуститься на колѣни.

— Встань! — раздался повелительный голосъ Императора. Здѣшній?

— Нѣтъ, Ваше Императорское Величество. Приѣзжій. Бѣжецкій.

— Бѣжецкій? Это гдѣ же?

— Тверской губерніи, Государь. Уѣздный городъ.

— Торгуешь?

— Купецъ, Ваше Величество.

— Фамилія?

— Неворотинъ.

— Почему же ты зовешься королемъ?

— Люди такъ прозвали, Ваше Величество. У покойнаго отца моего домъ въ Бѣжецкѣ былъ получше другихъ,—большой и съ разными затѣями. Капиталь—тоже большой по нашему мѣсту. Самъ покойникъ былъ спѣсивъ да горденекъ. Шутники и прозвали королемъ. Отъ него перешло ко мнѣ. Король да король,—настоящую фамилію почти совсѣмъ забыли. Не употребляютъ.

— А что это на тебѣ за одежда?

— Родительская же, Ваше Величество. Отецъ не любилъ ни въ чемъ на другихъ походить. Я ее беру въ дорогу,—по удобству. Въ нашемъ торговомъ дѣлѣ она много удобнѣе тулуца.

— А на какомъ это языкѣ ты говорилъ сегодня, когда тебя встрѣтила фрейлина въ магазинѣ?

— Это, Ваше Величество,—наши условныя торговыя слова. Мы употребляемъ ихъ въ разговорѣ со своими служащими при сдѣлкахъ, чтобы насъ продавецъ или покупатель не могли понять.

— Ну, что же ты говорилъ?

— Помнится, при княжнѣ я сказалъ своему молодцу: Сдебель масу хлить. Это значить на нашемъ нарѣчїи:—торгуйся, уступку сдѣлаешь. Мы покупали матерію. А приказчикъ мнѣ отвѣтилъ, что онъ будетъ давать за аршинъ ломшникъ, то-есть полтинникъ.

— Вотъ что! Ну ты напугалъ сегодня мою фрейлину. Ваши барыни не такія?

— Простите, Ваше Императорское Величество!—произнесъ король, опускаясь на колѣни. Я не зналъ, что это—фрейлина, княжна. Да развѣ бы я посмѣлъ ровнять ихъ съ нашими бабами!! По простотѣ сорвалось, Ваше Величество. Богъ видитъ, по простотѣ.

— Вставай и иди! Извини, что я тебя потревожилъ и больше моихъ фрейлинъ не пугай—сказалъ Императоръ и милостиво далъ ему поцѣловать свою руку.

Обрадованный счастіемъ, что неожиданно удостоился лицезрѣть обожаемаго Монарха, говорить съ нимъ и облобызывать его державную руку, король, выйдя изъ дворца, нанялъ до своихъ меблированныхъ комнатъ извозчика. Это былъ первый въ его жизни случай, когда онъ на радостяхъ позволилъ себѣ такую роскошь. Но радость чего не сдѣлаешь!

Событіе съ княжвой С. стало извѣстно между придворными. На другой день, принимая рапортъ о состояніи столицы, Государь Императоръ изволилъ пошутить, что полиція и градоначальникъ просмотрѣли такое крупное явленіе, какъ пріѣздъ короля.

И долго потомъ, если кому-либо изъ знакомыхъ хотѣлось посердить фрейлину княжну С—кую, стоило только напомнить ей о Бѣжецкомъ королѣ.

А самъ король сталъ съ тѣхъ поръ еще надменнѣе. И прозвище настолько за нимъ упрочилось, что въ Бѣжецкѣ и доселѣ его потомки носятъ почетное названіе королевей.

1. Постниковъ.

